

Владимир Хрулёв

**Перечитывая свои
блоговые записи...
я нашёл в них...**

Владимир Хрулёв

**Перечитывая свои блоговые
записи... я нашёл в них...**

«Издательские решения»

Хрулёв В.

Перечитывая свои блоговые записи... я нашёл в них... /
В. Хрулёв — «Издательские решения»,

В книге и это так: не понять, кто кого боится и кто кого любит. Такого не понять простому человеку, охмурённому прохиндеями. Атмосфера в обществе наполняется сгустками ядовитых или взрывоопасных паров. Нужен ветер, чтобы развеять эти сгустки ненависти. Но это уже подспудно. Читайте, пожалуйста, с добрым сердцем.

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	13
5	15
6	19
7	22
8	27
9	28
10	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Перечитывая свои блогговые записи... я нашёл в них...

Владимир Хрулёв

© Владимир Хрулёв, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ПЕРЕЧИТЫВАЯ СВОИ БЛОГГОВЫЕ ЗАПИСИ, Я НАШЁЛ В НИХ СВОЮ ОБЪЕКТИВ-
НУЮ ПРАВДУ

Уж как мы ль, друзья, люди русские!
Весь субботний день в банях паримся
Всякий божий день жирны щи едим
Жирны щи едим, гречиевку лопаем
«Путинку» кваском родным запиваючи
Мать святую Русь поминаючи
Да любовью к ней похваляючись
Да всё русскими называючись
И как нас то все бранят попусту
Что ничего то мы и не делаем
Только свет коптим, прохлаждаемся
Только пьём – едим, похмеляемся
Ах, и вам ли, люди добрые
Нас корить – бранить, стыдно б, совестно
Мы б работали, да хотенья нет
Дело плёвое, да труда бежим!
Мы труда бежим, на печи лежим
Ходим в мурмолках, да про Русь кричим
Всё про Русь кричим – вишь до охрипу
Так ещё ль, друзья, мы не русские?!

пьяная народная песня

Чудище это – обло, огромно, озорно,
стозевно и лайя.

А. Радищев

1

«Наш народ, как дети, которые за азбуку не примутся, пока приневолены не будут, которым сперва досадно кажется, а как выучатся, то благодарят, – что ясно из всех нынешних дел: не всё ли невольно сделано? и уже благодарение слышится за многое, от чего и плод произошёл. Не приняв горького, не видать и сладкого...».

Довольно ясно излагались предшественники ушедшей власти, не так ли?

А если будучи не приневолены к «азбуке», «нашему народу, как детям» предложат какойнибудь «правовой нигилизм» в праве, а то и вовсе «аморальный интернационал» в политике. Думайте и восхищайтесь над предложенным и не говорите, что власть не умна. И найдутся не вскорости, а тут же и в миг, кто возьмётся объяснять, что такое «аморальный интернационал», или «аморальный консерватизм», а про «правовой нигилизм» и не упомянут сами, что был такой у наших властительных прохиндеев, наших лицемеров и фарисеев, которых не сосчитать. Например, где он, а многие точно забыли и не только не припомнят, но и не признаются в этом «правовом нигилизме» – нет, с этим их никто не знакомил. И мы сделаем вид, что поверили – Не было такого, что бы эту бестолковую мысль нам кто то вколачивал осторожно в головы или втирали через доверчивые уши. Но уже забыли этот позор. Да и было ли это позорно? Нисколько! То же произойдёт и с «аморальным интернационалом». Все вместе и забудем.

Аркадий Вадимович Д. любил гулять по ночному городу. В эту пору город не отпускал от себя тепло и оно пахло узнаваемо в прохладной ночи. Весна прошла с холодными ночами, а к середине лета всё превратилось в пекло и ночь не давала отдохновения. И эта ночь была прохладная и светлая своим небом – она так начиналась. Но уже к полуночи появились низкие грозовые облака и застлали собой быстро всё небо и ночь превратилась в сплошной сумрак с мёртвой тишиной. Со всех сторон подкрались грозовые облака, быстрые, но безмолвные – словно солдаты в окопной грязи бросились в последний бой в отчаянии, без ожесточённого крика, смиренно идя на смерть. Но вдруг стал различим далёкий ворчливый гром, словно звук пролетевшего самолёта высоко в небе из воющего Донбасса и далеко в стороне. Неожиданно стали вспыхивать ярким светом молнии, словно в ночной город вошёл ужас войны или становления земли и вот — вот воздух будет напитан серой и порохом. И при каждой вспышке молнии высвечивалась площадь, брусчатка, красная кирпичная стена, грани Мавзолея, ёлки, своими вершинками напоминающие маленькие крестики. Не успел свет молнии сомкнуться в темноту, как новая молния высветила ширь реки и по обе её стороны две набережные – Софийская и Кремлёвская и обе безлюдны в ночи под тяжестью двух мостов – Москворецкого и Большого Каменного.

«Это не значит, что став его верным другом однажды, он остался им навсегда». – фраза эта, где то услышанная недавно, постоянно вертелась в голове, наверное, потому, что Аркадий Вадимович сейчас осознавал измену, которая постигла его в мыслях.

И он пошёл по скользкой брусчатке по пустынной площади. Кругом никого. Ни друзей, ни врагов. Ни друзей Кем бы можно дорожить и за кого можно бы поболеть в беде и быть обеспокоенным его судьбой. Нет человека, который может запросто спросить его: как твоё здоровье? Как поживаешь? Или как твои дела? А получив ответ ободрить давнего товарища: Смотри, держись, не сдавайся напастям. Я люблю тебя, мой друг, обнимаю и целую и помню о тебе всегда. А если попросит помощи, то не откажет.

Нет у Аркадия Вадимовича таких людей. Среди партийцев? – какие они друзья, если едут на инаугурацию по пустой Москве и ни одного человека их не приветствуют и они никого

не приветствуют – людей просто нет, их не хотят видеть «высокопоставленные», а сами то они обрыдли, кажется, всему белому свету и в Большом Кремлёвском Дворце инаугурируют, как онанируют, в окружении развращённой властью публики. Но и они по отношению друг к другу не могут сердечно и заинтересованно поинтересоваться: Как живёшь? Как здоровье? Как жена? Как дети? Словно не русские.

Не могут! У них семейный развод какой то не человеческий, не по-русски – жена не публичная. Не по-русски! Не по-христиански! Потому что жена не публичная. Жена всегда должна быть публичной, какая бы не была – эту традицию последних времён властитель проигнорировал. И его проезд на коронацию должен происходить при скоплении радостного и счастливого народа, а не мышью спастись к сытым – пресытым котам, готовым промурлыкать тебе сладкие успокоительные речи.

– Как здоровье? Чем помочь, благоверная? – не выговорят. Только одно с вымученной улыбкой на глупом лице: Мы приняли решение совместно, обоюдно, мы разводимся. Вроде как, восхищайтесь нашим разводом.

И заговорили повсеместно. Как раз о том, на что рассчитывали: об изменах, значит о настоящем русском мужике. Им так видится развод после разговоров о странной жизни жены. Или это простое и глупое, мальчишеское подражание Петру Алексеевичу?

Значит он не муж своей жене. Бывшая жена – и всё.

Трудно представить, но представьте. Кремлёвская набережная. Кремлёвская стена вдоль набережной. На стене среди её зубцов иногда показывается солдат, постовой на стене, если это пост, а если нет поста на стене, то солдат этот вроде дозорного за передвижением татарской конницы, подступившей к Москве, или за действиями поляков, донских казаков и отечественных толп грабителей во времена Смуты.

Но в том то и дело, что на стене нет дозорного и что под стенами Кремля творится, можно только догадываться. А творится всякое со времён Московского Фестиваля 1957 года.

Так вот дозорный на стене не видел ничего, поскольку его там не было.

Как Аркадий Вадимович в полночь спускался к Москворецкому мосту.

Как ещё с Манежной площади, потом поднимаясь по Кремлёвскому проезду, за Аркадием Вадимовичем кралась иномарка чёрного цвета.

Как эта чёрная иномарка от Ильинки, или от Лобного места газанула почти с места и под визг всего существа японской или немецкой машины – неважно, полетела искать неминуемой встречи с тем, на кого был указан перст судьбы.

Иномарка была ещё далеко позади. Аркадий Вадимович задумчиво размышлял.

Нет политической воли. А откуда ей взяться, если страну застило ложью, воровством, чванством власти, непрофессионализмом. И всего этого в чудовищных масштабах. И нет политической воли бороться с этим. Всё это означает, что изменение политической ситуации, только это, реально освободит место, простор или как то по другому, если хотите, назвать смену политического руководства, то вот тогда и может появиться та «политическая воля» борьбы с коррупцией, о которой бредят все, но только не они, политические наши руководители. Только тогда.

Вот тогда это означает раскрепощённую в соответствии с законом работу прокуратуры, МВД, судов, ФСБ, Государственной Думы и найдутся люди способные для этой работы. Но этой позорной власти в России быть не должно.

Что то отвлекло от размышлений. Аркадий Вадимович шёл уже по мосту. Заслышав рёв автомобильного мотора он повернулся и увидел совсем рядом ревущую машину и в голове пронеслась вихрем мысль о сообщении телевидения о непризнании Россией решений Страсбургского суда, если они не будут основаны на Конституции Российской Федерации. И ещё он

успел уловить запах бензина. И больше ничего. Эта были последние его мысли. Свидетелей этому не было по обе стороны моста, ни на набережных реки.

Труп обнаружили среди ночи, когда подгулявшие в «Балчуге» разъезжались по своим норам до следующего празднества завтра или точнее сегодня, но не так рано. Эти как раз и не дрогнули сердцем. Хорошо на мост въехала поливальная машина. Водитель быстро вызвал полицию по мобильнику и полиция примчалась, а как не примчаться, когда чуть ли не под стенами Кремля в радиусе 200 -300 метров валяется хорошо одетый и ухоженный труп человека.

– Наступление острой сердечной недостаточности исключается. – сказал старший из полицейских. – Надо бы отвезти в морг сейчас же.

– Надо бы смерть зафиксировать сначала. – не смело возразил молодой.

– Вот и пиши протокол. Да карманы посмотри, личность нужно установить, то есть паспорт нужен в первую очередь, а уж потом всё остальное. Ушибы, переломы, иные травмы, алкогольный запах и прочее.

– Мне всё равно. – пожал плечами молодой, закурил сигарету и полез по карманам погибшего явно в ДТП. – Запах? Да, угадывается крепкий запах алкоголя.

Но тут где то невдалеке, не дальше Василия Блаженного, завизжала, заулькала, завыла синеглазо – красноглазая сирена. Кто то ещё спешил на происшествие.

Кроме этого сигнального звука, спешащего так, что бы не опоздать на случившееся на Москворецком мосту, ничего не звучало и было тихо и даже выглядело пристойно до самых бастионных стен Кремля и, напротив, Софийская набережная очерчивала огнями границу света от Замоскворечья, над которым надвинулась тревожащая душу тьма. И всё это пространство было пропитано ночной тишиной. Стихли сигнальные звуки. И уже никто никуда не спешил.

Молодой полицейский задумчиво смотрел на труп и словно в задумчивости сказал:

– Душа то христианская, всё таки не умрёт, если с богом была дружна. Воскреснет в своё время. Старший откашлялся от табачного дыма сигареты, оглушительно схаркнул на мокрый асфальт и заметил, не обращая внимания на тихо подкатившую иномарку:

– Жизнь кончилась вместе с душой. Душа не воскреснет, она не воскресает – это закон.

Трое вышли из иномарки, это был «Мерседес», оставив водителя за рулём. Конечно, это были люди с Лубянки, отличимые от всех и от всего люди, опрятные, аккуратно подстриженные и чисто выбритые, пахнувшие дорогим коньяком со времён середины прошлого века. Им интересно быть сотрудниками своей «конторы», как они называли промеж себя свою организацию, и распространили свою кликуху на окрестные ведомства, нисколько не заботясь о впечатлениях, тянущихся за этими серыми мышами – ещё раньше, чем прилип к ним коньячный запах – так это с начала прошлого века.

Трое вышли из иномарки. Как трое вышли из леса, не блуждая в лесу, а сознательно проживая в нём годы, прячась в тени деревьев от солнечных лучей и в дуплах дубов, от проливных дождей.

– Не буду с тобой шутить, – сказал старший из «конторы», обращаясь к старшему из полиции, – нельзя силы тратить попусту. Поэтому просто скажем, человека этого, который несомненно труп, мы забираем от вас без лишних слов, без актов приёма- передачи и другого какого – либо словоблудия. Одним словом, без объяснений. Ясно, коллеги?

– Чего тут не ясного. – ответил старший из полиции.

– А труповозку вызвали?

– Вызвали.

Полицейским, как всегда в подобных случаях, дали понять, что этот труп не их дело и о нём должно им забыть.

А между тем, в дали от Москвы в периферийных районах России и в близких к Москве городах в умах людей взвешивалась тревога и носилось по умам что то тревожное. Оттуда все смотрели на Москву, а Москва показывала себя в той роли, которую столица играла. Устоявшиеся фигуры власти устояли и даже не покачнулись, а толпа застыла в нерешительности и не знала что ей делать, когда власть не призналась, просто намекнула, что ей стало известно о своих просчётах и будет их исправлять цивилизованным путём, но не уступками, доносившимися с площадей и улиц.

Люди снова, как бывало, засели по кухням, вздыхать и скрипеть зубами, вместо сказок о реформах хотят не сказочных реформ, а чего то другого.

Непознанная эта страна Россия до сих пор. И потому неведомая многим и в не последнюю очередь неведома и непознана она нами, из числа русских людей, и в не последнюю очередь из числа властвующих.

2

Обыватель этого городка по имени Игорь Дмитриевич Солодовников наблюдал правительницу Ольгу и её белую лошадь с замиранием сердца и приближал к себе эту сказочную картину, а отвлёкшись от видения, как всегда, терял в себе самое дорогое – древнюю империю славян – Киевскую Русь. И не мог понять её последних лет, «исторических» – по-существу диктаторского режима, подслащённого усечённой до самой крайности демократией и слащавым словоблудием развращённого общества. Но не терял надежды уяснить их суть, поделившись своими сомнениями с людьми.

Может просто Русь-матушка заскучала по своим военным походам – ведь давно их не было. И надо бы совершить пару-тройку, напомнить себе и о себе?

Надо признать, что в мире был установлен американский миропорядок, поскольку экономика США главенствовала в мире и она определяла свою политику, что естественно. Советский Союз был слаб против экономики США, но занимал достойное место рядом. Но вот сейчас Россия захотела установить свой миропорядок, не признаваясь открыто, что это будет миропорядок по-русски.

А что мы видим и слышим сегодня. Наш союзник Турция помидорами не отделается, долго будет помнить месть России за сбитый самолёт. Странно всё это. Влезла в военный конфликт и будет мстить ещё и за убитых российских солдат. Более, чем странно. Так война идёт на сирийском фронте? Или наши самолёты там бомбят объекты и кто то даёт гарантию бомбить без потерь? Сама же наша власть говорит нам, что войны без потерь не бывает. Помните, читатель, о потерях в Донбассе? Но тут, в случае с погибшим российским лётчиком, Россия мстить будет персонально за погибшего лётчика. Не правда ли, как она похожа на... не скажу и не намекну даже. Не логича она, если говорить лояльно и по доброму. Так вот, читатель. Перед вами книга, написанная мной на основе моих же записей на блоге, подаренном мне одним из издателей. Всё очень просто. Я не напрягался в воспоминаниях, я записывал свои мысли вслед за событием или где то рядом находясь, например в новостных программах телевидении, когда кортеж с властью направлялся на инаугурацию в Большой Кремлёвский дворец по совершенно пустым улицам Москвы, когда рейтинг её достигал небывалых величин. И странно, и вопросительно было, и обидно видеть это, А где восторженные толпы обожателей? Где этот плебс, который голосовал за неё, любимую. Где члены партии «Единая Россия» и где Народный фронт? Наконец, где все эти наши уличные зеваки, мечтающие в живую увидеть проезд её на коронацию. Их никого нет, по причине мне не нужной знать, не хочу. Но в данном случае кто то кого то избегает видеть в плотную.

И здесь же помнится восторженность людей Парижа, приветствующих нового президента Франции. И все увидели эту разницу. Или это не оскорбление высокой персоны? Или это не пренебрежение людскими чувствами Я его не оскорблял ни взглядом, ни словом. Я смотрел на эту картину и у меня, естественно, возникали вопросы, что это за показательный проезд по совершенно пустынным улицам Москвы на инаугурацию в Кремль? Как это объяснить?

О господи, какая ты была спокойная, ничем не нарушаемая жизнь в достатке советского человека тогда, когда я был молод и кругом меня все были молоды и ничего большего не хотели, как бриолина себе на волосы, чистого бритья с горячим компрессом на лицо, футбольного боления на беснующихся трибунах и танцев с нестрогими девушками после непродолжительного знакомства. Как пахла жизнь и люди дождём, гвоздикой, пирожками с повидлом, ливером или горохом за 5 копеек! Нежная моя жизнь! Ты не говорила со мной строго и не поступала со мной строго, ты всегда подчёркивала, а я всегда соглашался с тобой, что у нас только деловые встречи происходят, вроде беседы клиента с адвокатом, оставалось только оговорить гарантии

услуги и их стоимость. Глупышка жизнь, придумала какую то жизнь, где решила вести себя как королева, пусть на шахматной доске. Где кроме самой королевы, один король, охраняемый офицерами. Ладно, нет иных офицеров на шахматной доске, но нет и пешек, образующих ровное давление в ровном строю в защиту короля. Всё в защиту короля!

А вдуматься, люди, даже мои ровесники, послевоенные мальчики и девочки, не в силах понять, что основной закон жизни людской не иначе как несправедливость. И где тут справедливость, если всё в защиту короля, точно так, как когда то. Жизнь продолжается, а принципы всё те же. А против принципов я бессилен, Поэтому и живут они во мне, эти принципы. То есть я принципиален, потому и лоялен.

Но любовь к ближнему оказалось, что простая выдумка людей, со ссылкой на Христа. Эта выдумка от бессилия человека что то изменить или просто обмануть. Так проще, говорить в пустоту, потому что если начать копать в этой придумке человека, можно докопаться до другой мысли – человек один на земле и самый близкий, кажущийся другом, в других обстоятельствах оказывается врагом, а если врагом. то и распорядителем твоей судьбы и даже жизни. Враги, это всегда близкие тебе люди или хотелось бы тебе, что бы до ссоры они были близки и вдруг принялись завидовать тебе, что бы в результате враждовать.

3

Это звонила дочь. Телефон жалобно пищал своими трелями не умолкая, словно звал на помощь тонущий человек, отплывший от берега в море где то возле Бердянска или Мариуполя и, обессилев среди бушующих серых волн Азовского моря, стал тонуть, не надеясь особо на чью то помощь.

Телефон пищал и тренькал, захдѣбывался тишиной и безразличием. И в этой пустоте звуков был слышен только он, телефонный звонок из погибающего мира, слышимый только мной. Это звонила дочь.

Я осторожно взял трубку.

– Долго не берѣшь трубку. Что случилось? – спросила дочь.

Я молчал. Если что то спросить или что то ответить, то в ответ получить те же огорчения и страхи, которые постигли и постигают дочь и всю её семью последний год, а то и два.

Но я отвечаю нейтральной глупостью:

– У меня всё в порядке, не беспокойся. Здоровье в порядке и даже давление нормализовалось и постоянно стабильное, и даже сахар в крови в норме. Всё хорошо, всё стабильно как положение в стране.

– Стабильно – значит ожидать очередного убийства? И кто – следующий?

– Следующих не угадаешь, следующим может быть всякий. Гадать не будем.

Мне всё кажется, что я излишне обращаюсь к истории, которая в наше время не только никому не интересна, более того, ею стараются напоказ пренебречь на весь крещѣнный мир и за его пределами. И от этого, уже от этого, душит какая то несправедливость, ядом разлившаяся по лесам, долинам и взгорьям. Но именно этот яд заставляет сдерживать дыхание и смахивать с глаз слѣзы, пытаюсь рассмотреть туманное прошлое, а в нём – вереницы образов, предстающих нам как раз этой историей в лицах. И я с удовольствием всматриваюсь в эти лица из исторической памяти, но не знаю прав ли, когда заключаю в рамки их портреты в своём воображении.

Россию за Отечество родное никто не почитает, разве бессменный властитель России, иногда готовый в роли Премьера объявиться нам, наш лидер, наш инициатор всех наших побед, и, может быть, наш вождь, который очень любит Россию и не устаёт об этом говорить. Легко же ему трепаться об этом бездоказательно – кто спросит с него этих доказательств? Я это говорю вполне серьёзно, поскольку как я могу отказать в любви да ещё нашему властителю? Если, к тому же, он так и рвѣтся быть у неё в любовниках.

И сейчас наша Москва уже не грязная зачуханная нищенка в переходе, она вся светится под Новый год, сама как ёлка. Немного не так, как западные столицы, уступая им в чём то неуловимо. Но отлично выглядит. И непривычно свежо и красочно. Празднично. Такую Москву и полюбить не зазорно хоть кому. Поэтому мы и говорим, что любим нашу Россию – посмотрите на нашу Москву и увидите как мы любим Россию в лице нашей Москвы. А что творится с Россией за пределами Москвы – туда взор наш не направлен.

4

Крепкий мужчина средних лет в сопровождении молодого человека уверенно и важно шли, пересекая Манеж, направляясь курсом на Угловую Арсенальную башню Кремля, что бы по Кремлёвскому проезду, минуя Александровский сад по правому боку от себя, подняться к пропускному бюро у Никольской башни, получить пропуска и войти в Кремль и получить интервью у Президента.

Их интересовал вопрос о причинах роста цен на продовольствие при падении мировых цен на нефть и нефтепродукты в мире. Они спешили к 19 часам, к тому времени, когда все знали, что у Президента это самое свободное время, что бы ни говорили, когда он более всего и охотно любит поговорить с журналистами или телевизионщиками и даже допускает их до собственной персоны напоказ, уже обставленный антуражем своих привязанностей в быту.

Они, идущие двое под мокрым снегом, корреспонденты ИА РФ, недавно организованного печатноинформационного нового агентства, как дополнительного средства информации среди населения России – её граждан, так и во всём мире, встречу с Президентом получили в награду от своего Генерального директора за успешную работу в молодом агентстве.

Мужчина был крепок, белокож и круглолиц, похожий на Аркадия Гайдара овалом лица и улыбающимися светлыми глазами. Сопровождающий его совсем молодой человек напоминал Павку Корчагина в исполнении Владимира Конкина. Они направлялись к Президенту, что бы, имея задание, совпадающее с их интересовавшим вопросом: о причинах роста цен на продовольствие при падении мировых цен на нефть и нефтепродукты в мире и сами эту тему выдвинули и своему боссу, а через босса и Президенту. И всех тема заинтересовала. А может сделали вид, что тема всех интересует. А может это был просто театральный прокат возможностей агентства перед Президентом.

«А я наивно рассматривал себя способным пободаться с правоохранной системой, отстоять свою правоту и укорить власть в беззаконии. Но как я просчитался! Власть молчит... и выигрывает! Выигрывает молча! Без шума, никому ничего не объясняя!». – Так думал о своей журналистской судьбе корреспондент ИА РФ Солодовников Игорь Дмитриевич, ещё молодой мужик, тридцати пяти лет, всю свою жизнь беспартийный и слывший большим умником среди сослуживцев.

– Что случилось, Игорь Дмитриевич? – спросил молодой спутник, уловив что то тревожное в выражении лица своего наставника.

– Ничего. – спокойно ответил Игорь Дмитриевич. – А вот почему вы, нервничаете, ведь взволнованны предстоящей встречей?

– Нисколько. – односложно ответил молодой человек. – Меня волнует лишь наша неподготовленность к интервью. Ведь человек то не простой.

– В смысле, что Президент?

– В смысле, что привередливый.

– И это не смертельно, не ужасно и нисколько не страшно. Мы чисто выбриты, пахнем не отвратительно, а даже вполне по-французски или во всяком случае чисто вымытыми человеческими телами, если от напряжения и вспотеем и белоснежные наши сорочки и наши носки не выдадут в нас недостойных президентских апартаментов. У нас в этом отношении всё в порядке, не волнуйся. Вот говорят, что он чуток своим обонянием к табаку и к алкоголю. Но мы же оба не курим и оба трезвые, как стёклышки. Так что мы вполне достойны посещения Президента за интервью по согласованию между его Администрацией и нашим Генеральным директором. Успокойся и не напрягайся. Мы устремлены и в устремлении подходим к Кремлю, где и восседает наш Президент. Он наша цель.

Пропускное бюро в Никольской башне оказалось закрытым – они опоздали. Пришлось идти до Спасской и они поспешили туда. Там всё обошлось и с разовыми пропусками в Кремль они вошли в самую сердцевину государства.

Президент их принимал в 14 корпусе, где у него так же есть кабинет, где он принимает посетителей попроще, вроде журналистов из только что созданного агентства, давая им своеобразный аванс для успешности, своеобразную раскрутку в форме материалов для чтения широкому кругу заинтересованных лиц от самого Президента.

В приёмной у Президента горело красное табло – в это время никто не может входить в кабинет. Табло ярко высвечивало: не входить. Скромно и понятно всякому.

– Сейчас Президент занят, но он скоро освободится и просил Вас, господа, обождать. Вы знаете, господа, как занят Президент, как насыщен его рабочий день. Ведь он трудится не 8—9 часов, как простой служащий и даже не 12, а как минимум 14, а то и все 16. И это включая в большинстве случаев все субботы и воскресенья. Но он сейчас освободится и примет Вас для интервью. – Секретарь, ещё молодо выглядящий человек., усатый и худой, с лицом будто вырубленным неосторожно топором, указал на кресла у своего стола напротив. – Присаживайтесь, а я угощу Вас чаем по – президентски.

Но тут раздался голос Президента на связи с секретарём:

– Саша, журналисты у вас в приёмной?

– Да, господин Президент. Они здесь. Им подождать?

– Нет. Отведи их в комнату отдыха, что рядом с конференц – залом. Я иду следом через пару минут.

– Хорошо господин Президент.

5

Даже плывая кролем или любимым брасом, опустив голову в воду и рассматривая на дне бассейна имитацию греческих амфор, Президент представлял осуждённого М. спящим сладким сном на нарах перед внезапным своим освобождением.

Но Президент, даже он сам, представить себе не мог как быстро, почти мгновенно будет исполнен этот его Указ и тюремное начальство уже до официального распоряжения своего начальства из Главного управления разбудит узника и усадит в своём кабинете в ожидании освобождения. Тюрьма ещё спала, а тут подоспел нарочный из паспортного стола и привез заграничный паспорт. Осуждённый М. удивился:

– А почему нет гражданского паспорта?

– Зачем вам гражданский паспорт, если за вами прислан самолёт из Германии? – начальник лагеря ИК-7 был два дня на ногах, лично охраняя сидельца от всех возможных неприятностей. Был наготове освободить заключённого. – Сейчас за вами прибудет машина из Петрозаводска и вас доставят прямо к борту, что бы переправить в Германию, где вас ждут ваши хорошие друзья. Это они прислали за вами самолёт. Вы разве не знали?

Этого осуждённый и не знал. Какой самолёт? Какая Германия? И кто здесь бредит? Неужели не я?

Он то предполагал совсем другое: от подачи прошения на имя Президента пройдёт не мало времени, что бы Кремль принялся совершать какие то действия. Или задумается с чего начинать и чем закончить эту гуманную акцию. А всего вероятнее нужно было ждать провокаций, разлетающихся со страниц российской прессы и с экранов российского телевидения: М. признал свою вину по обвинению его в преступлении по делу ЮГОСа, подачей Президенту прошения о помиловании! Это нужно было пережить. А уж потом Кремль потихоньку будет шевелиться, ожидая от него полной капитуляции и даже отказа от предоставленного выезда за границу.

М., сидел в кабинете у начальника лагеря в ожидании своего долгожданного и внезапного освобождения.

Президент закончил свой кроль. А потом брасс. Сегодня время не засекал – звать не хотел тренера на утреннюю тренировку. Всё утро думал об осуждённом М – какую пакость принесёт слух из-за кордона и чем будет он полезен своим новым приятелям. И Президент решил позавтракать не заходя в гимнастический зал для утренней гантельной гимнастики. Утренним бегом он пренебрегал и был для него скорее пыткой, чем удовольствием. И бегом он никогда не занимался, даже для здоровья.

На столе был сервирован завтрак из стакана апельсинового сока, ложки овсяной каши, творожной массы с изюмом и курагой, стакана молока и хорошей величины груши – дули, что созревают в Тавриде. После завтрака ему был нужен небольшой отдых, на полчаса. И уж потом он направился в кабинет, где каждый в своей папке ждали его отчеты за прошедший день от ФСБ, МВД, ГРУ.

Сегодня отчеты не впечатлили. Его никто не собирался убивать. Но он остался доволен собой в утреннем плавании и началом дня без тревог.

– Но ведь хотят! – кричал его голос изнутри, – Не собираются и не хотят – это большая разница, это две большие разницы, как говорят в Одессе.

И, тем не менее, на сегодня отменил все выезды и никуда не выезжал, изредка вспоминая, что сегодня обещал интервью каким то молодым журналистам из вновь созданного ИА РФ. И, конечно, памятуя, что самое беспечное время по статистике и по логике приносит самые большие неприятности. Это надо, это сложное время.

Не успели журналисты рассестись за маленьким круглым столиком из какого то, видимо, дорогого дерева в удобных и тоже миниатюрных креслицах, как появился он из незаметной двери в углу этой небольшой уютной комнаты, где Президент готовился непосредственно перед встречей с людьми по какому-либо поводу. И всё равно его появление было неожиданно и пугающе, словно из игры в прятки появился человек маленького роста, лысеющий и бледный, как медуза, но злобный и памятный – видно сразу. Но нет, это они представляли его таким.

Шторка на двери колыхнулась и из-за шторы появился он, Президент Российской Федерации. Как показалось Юре, был он роста ниже среднего. в аккуратном сером костюме, скрывающем широкие плечи спортсмена свободным покроем пиджака. Его лицо казалось припухшим, как бы утомлённым лёгкой бессонницей и почему то влажным, а припухшие веки глаз и вовсе закрывали небольшие светлые глаза. Президент сразу же спросил, поинтересовавшись:

– Во первых, добрый вечер, господа! Как ваше здоровье? Как настроение и всё ли хорошо в вашей жизни?

Господа вскочили, нарушив свой уют в креслах и в разной манере ответили:

– Добрый вечер, господин Президент! У нас всё хорошо! Не стоит беспокоиться.

– Свою беседу мы поведём за чаем или за кофе? Что подать Вам?

Нашёлся что ответить Игорь Дмитриевич:

– Мы приобщимся к Вам, господин Президент, что бы быть вместе с Вами и как бы в одной компании.

– Если так, то – чай. А вы считайте себя присоединившимися или примкнувшими. Согласны на такой вариант?

– По поводу чаепития – с удовольствием!

– Так присаживайтесь и начнём нашу беседу.

– Но сначала, господин Президент, позвольте поинтересоваться вашим здоровьем. – Сказал Игорь Дмитриевич с улыбкой. – Извините, но так принято в обществе – интересоваться здоровьем и желать здравия собеседнику. И доброе лицо Игоря Дмитриевича озарилось.

– А я отвечу анекдотичной короткой фразой: Не дождётесь. Итак, я слушаю ваши вопросы. А здоровье в порядке, если вам интересно знать об этом.

Президент неожиданно икнул и затем подавил в себе движение в поджелудочной железе, достал из кармана платочек и вытер губы, потом промакнул влажный лоб. Тут вошла женщина, внесла поднос с чашками чая и на крошечных блюдцах крошечные кусочки пирожных. Спасибо – сказал Президент. Не забыли поблагодарить и наши журналисты, даже поторопились. Беседа уже должна была начаться, но застоялась по непонятной причине. Тогда Президент проявил инициативу, видя неопытность собеседников:

– Меня всегда удивляли советские журналисты, те, давние, такие как Жуков, Цветов, Стуруа и многие другие. Вы, возможно, и не слыхивали о них. Их было много, известных всему миру, матеровитых и славных работой за рубежом. Но все они писали о популистских наклонностях наших тогдашних руководителей.

– Здравствуйте, товарищи! – А сам близко не подходит, смотрит недоуменно. Наконец произносит: Что вы мне хотите сказать? Может жалобы, пожелания, предложения? Я вас слушаю. Поделитесь со мной как вы живёте.

А люди все хором:

– Хорошо живём! Спасибо!

– Но ничего. Потерпите ещё немного. Партия и Правительство принимает все меры по исправлению ситуации с продовольствием в стране. Вам нужно ещё подождать и положение в стране коренным образом изменится.

Игорь Дмитриевич отхлебнул из чашки и осторожно поставил чашку на блюдце. Всем видом показал, что рассказ Президента не вызвал у него интереса. не то. что бы восторга.

– Очень вкусный чай. – сказал Игорь Дмитриевич.

– На травах. – со знанием дела сказал Президент.
– На каких, вам об этом говорят?
– Я особо то и не интересуюсь, доверяю, что плохим не напоят.
– А что вы это попиваете из деревянного стаканчика? Уж точно не чай?
– Нет, чай. Кстати, тот же чай. Только из термоса – этот деревянный термос сохраняет чай тёплым, можете попробовать.

Игорь Дмитриевич предложение Президента оставил не услышанным и сказал: Давайте перейдём к беседе по существу. Вот мой первый вопрос: Как ваши спортивные успехи, если здоровье в общем то в полном порядке?

А Президент не настаивал отведать чай журналисту из деревянного стаканчика.

– Спортивные успехи? Да, я слежу и за своими спортивными успехами. Например, я укладываюсь в спортивный норматив по плаванию.

– И у вас есть друзья в бассейне?

– Нет, друзей по бассейну я не завожу, да они в бассейне и не нужны.

– А кто же ваши друзья по жизни? Это всё те же друзья по кооперативу «Озеро»? Крепко спаянная восьмёрка – первые люди в российскую элиту?

– Что вы такое говорите! Мне вовсе непонятное! Люди из кооперативного возраста давно вышли, у них масштабы несравненно шире. Мы сейчас с ними просто в тёплых доверительных отношениях. – Давно подмечено, что друзья Президента необыкновенно удачливые люди. Как это может быть, что бы удельный вес удачливости и успеха в стране был на стороне образованнейшего клана – клана Президента? За столь короткое время эти люди, сплошь друзья Президента, преуспели во всём, за что бы ни взялись? Это вы позволяете им быть такими успешными?

– Не позволяю, я в их жизни вообще не участвую. Лучше сказать, я им не мешаю быть удачливыми в бизнесе и счастливыми в жизни.

– Им повезло.

– Может быть. Но не более.

– Как и ребятам из «Уралвагонзавода»?

– Как и ребятам из «Уралвагонзавода».

– Как и Холманских Игорю Рюриковичу?

– Как и Холманских Игорю Рюриковичу.

– Но вот не повезло осуждённому М.

Президент моментально удивился лицом. Выпучил глазки и губы вытянул в трубочку, повёл зябко плечами и затынул с ответом. Потом вытянул из себя вопрос:

– Не повезло?

– А как? – Игорь Дмитриевич пожал плечами. – А как вы думаете?

– Он помилован!

– Отсидев десяток лет. Или около.

– По решению суда! Замечу.

– Хорошо. Суд его осудил, а вы его помиловали. Тогда почему Президент его помиловал?

Вы его уже не боитесь?

– Я никогда его не боялся и сейчас не боюсь, тем более.

– А он вас?

– А я и не хочу, что бы он меня боялся. Я не хочу, что бы кто то меня боялся вообще. Я не собираюсь его преследовать, я его помиловал.

– Тогда повторю свой вопрос: почему Президент готовый помиловать осуждённого М. с одним условием – получить от него прошение о помиловании, всё-таки, не миловал осуждённого без его ходатайства о помиловании. Разве это было обязательным в процедуре помило-

вания? Вы хотели видеть унижение М? И вы ждали выражение благодарности от М. за помилование в какой либо форме?

– Нет, совсем не ждал от М. никакой благодарности – я знал кого касается этот акт о помиловании. А то, что не миловал его без прощения, то это моё право, как Президента, миловать или не миловать. А сейчас давайте отдохнём немного – сидим целый час и уже устали друг от друга.

– Нет, господин Президент, мы не устали. Но не против передохнуть вместе.

Тогда Президент встал и повесил пиджак на спинку кресла, потянулся и устало выдохнул.

– Меня удивляет такой интерес к М.? Откуда это? – сказал как бы себе Президент, не ожидая ответа от присутствующих.

Игорь Дмитриевич молчал, ожидая продолжения. Юра следовал примеру старшего товарища, ему хорошо было молчать и он молчал.

– Откуда такое участие к человеку, не к коммунисту – в этом случае было бы понятно – десятилетия дышали коммунизмом. Выходило бы, что не надышались. Но понятно, сам то он на дух не выносит коммунистов.

– Он находит режим не коммунистическим. – Сказал Игорь Дмитриевич слабым голосом.

– Вот действительно! Нам уже не хватает собственных марксистов.

Так что ли? – Сказал Президент, словно разгадывая тайну М. – Что бы вершить очередную революцию! А где они их возьмут, если естественным способом последние доживают свой век и до конца своих дней остаются проповедниками марксизма и в отличие от большевиков знакомы только по книгам со своей теорией.

– Нет, господин Президент, М. и рядом с марксистской теорией не стоит. Вы взгляните в него, в этого смелого и стойкого человека, что им доказано безоговорочно, – он теорий никаких не выдвигает и говорит только об одном, называя режим словом по вашей фамилии. Просто режим Вашего имени, вот и всё. Так оно и есть И предрекает ему крах – с пролитием крови, поскольку наш режим демократическим путём к смене не приспособлен.

– Так что по вашему. Он уникальная личность? – зло спросил Президент. – Он уникальная личность? – снова повторил Президент и не услышав ответа повторил ещё раз: Он уникальная личность? Неожиданно Президент, казалось, рассвирепел. Но через мгновение, через долю мгновения он неожиданно улыбнулся.

Игорь Дмитриевич не смело посмотрел в глаза Президенту: Наше мнение здесь, излишне.

– Хорошо. Я согласен с этим. Поясняю, что ваше мнение излишне для меня. – И улыбка оставалась на лице. Но было понятно, что это могло повториться. – Но вы сказали, что режим моего имени рухнет с пролитием крови? Как это?

– Это сказал не я, это предрекает М. – с малым количеством крови или с большим – он не уточнил, потому что сам не знает.

– Не знает, а говорит. Странно! И пусть говорит, ему никто не поверит. Он преступник, который помилован Президентом, вы можете это понять? – задыхаясь, Президент замолчал и не пытался продолжить ответ. – Да что же это такое! – Слабо возмутился он в сторону и наклонив голову. – Почему такое непонимание? Ведь я Президент! Какая кровь на мне? Откуда всё это берётся? Давайте прервёмся и успокоимся.

6

Юра, запиши вопрос на завтра: Обращение Президента к Совету Федерации за вводом российских войск за пределы России и не использование Президентом этого разрешения – как это?

Юра согласно кивнул – уже записал.

Они не разъехались по домам. Что бы обсудить сегодняшней день и подготовиться к завтрашней встрече с Президентом, они поселились в гостинице «Москва» в номере подешевле. Утомлённый и возбуждённый Юра уснул как убитый, а Игорь Дмитриевич поздно уснул и рано проснулся. Не ждал ничего хорошего от продолжения разговора с Президентом. Что то хитрое было в этом приёме, словно Президент играет в игру с несмышлёнышами, как сытая кошка играет с мышкой.

Игорь Дмитриевич, проснувшись, долго лежал без сил, без мыслей, прислушивался к неслышным утренним звукам за окном, к осторожному похрапыванию Юры на соседней кровати. Кто то плескался в ванной в соседнем номере и бормотала спущенная в уборной вода. Гостиница просыпалась и стало слышно звяканье посуды в буфете. Что бы разбудить не проснувшийся мир в себе, Игорь Дмитриевич включил телевизор и в комнату вплыл абсурдный мир, которому он надоел, а мир надоел ему. Мы с этим миром живём.

– Для того, что бы окончательно утвердиться во власти после ухода предшественника, вам, господин Президент, нужна была дополнительная легализация своей власти, которая была для элиты неожиданной, но пусть и предсказуемой, хотя и странной, о чём говорят первые ваши акты об объявлении неприкосновенности предшественнику о недопустимости его привлечения к уголовной или административной ответственности.

Президент успокоился не сразу. Юра сидел с побитым видом и не мог пошевелиться, не то что бы сказать что то вроде извинения и покинуть позор. Да и Игорь Дмитриевич был в чём то посрамлён. Наверное превосходством Президента во всём, за что он примется. Никто не мог ему в чём либо возразить. А уж тем более журналисты только что созданного агентства.

Казалось, что Президент вот-вот покинет журналистов и отправится играть в теннис по старой памяти предшественника. Но он не сделал этого, наверное потому, что был бы чересчур откровенен в своих симпатиях. И он сдержал себя в этой выходке.

Теннис – новое массовое, пожалуй, увлечение высшего класса России, который видит в этом спорте своеобразную визитную карточку политического деятеля современного стиля или крупного бизнесмена. Как говорят все эти люди, теннис исключает даже просто спортивную злость и освобождает от угрозы даже случайного оскорбления противника. Теннис прекрасная игра и небывалый авторитет этого вида спорта в России можно объяснить в определённой степени в первую очередь пристрастием к нему Президента Буша и следом за ним Президента Ельцина. Но ни о какой визитной карточке ни политика, ни бизнесмена – во всяком случае в России речи не идёт, а речь идёт лишь о том, что теннис – прекрасный вид спорта и Россия знает о нём со времён Николая Озерова. Это в плотную. Но и до Николая Озерова слышали о теннисе. Тут и спорить не о чём. И ни Ельцин, и ни Буш внедрили игру в народ, а вот что этот Николай Озеров, сам теннисист, артист МХАТа и футбольный комментатор активно пропагандировал этот спорт, то сам Игорь Дмитриевич неоднократно слышал о нём, и о теннисе В те же самые времена ждали, что и городки к нам придут, Но наоборот, чуть раздутый интерес к народной игре Льва Толстого потух и никак не поддерживается государством.

Закончив окончательно гневаться, Президент спросил так, словно и не было между ними разногласий до посинения:

– Вы захватили с собой плавки? Могли бы поплавать со мной в бассейне.

– А у вас что, бассейн с подогревом? – неожиданно даже для себя выпалил Игорь Дмитриевич. Президенту это показалось нахальством высшей степени. Но он сдержал себя в достойном ответе.

Президенту, видимо, одному не хотелось купаться, а на Игоря Дмитриевича без плавков надежды не было – не должен прыгнуть в воду в семейных трусах, а может просто это были президентские фокусы, маленькие издёвки?

Но он после слов Игоря Дмитриевича остолбенел от изумления. Разве можно с ним так, как бы по свойски. а на самом то деле не уважительно шутить? Разве можно было ему ожидать в этот вечер, что случится с ним какая то неприятность от отечественного журналиста, не от иностранного. Но слишком наивная откровенность Игоря Дмитриевича и что то вроде шутки в его словах изумили Президента до нервной крайности. Значит этот журналюга безотлагательно готов был ждать момента, что бы высказать кучу всяких неприятностей прямо в глаза. Посмотрим, куда он направит свои мысли, что он хочет ещё спросить меня – подумал Президент и спросил:

– Продолжим? – и уселся готовый к дальнейшему разговору, победно улыбаясь.

– Продолжим, господин Президент, – сказал спокойно Игорь Дмитриевич. Любую форму власти поддержат не оппозиционеры, поддержат сами властители. И я не сомневаюсь, что в Истории России такое может случиться. Так будем готовы, граждане, будем готовы, к смене элит. Как вы это прокомментируете, господин Президент? Как Вы относитесь к такой форме правления?

– Я подготовлю свой ответ, – неожиданно ответил Президент после долгого раздумья. – И завтра при новой встрече я обстоятельно отвечу. Хорошо?

Но само собой подумалось Президенту: Кто это такой? Надо гнать! Не иначе.

Но! Пока хранит господь Россию, Президент занят другим. Его обнажённый актёрский нерв подсказывал ему, что надо торопиться, надо успеть сказать побольше, потому что сценический триумф может в любой момент кончиться. Устанет публика, например. Потухнет свет. Или антрепренёр этого авангардистского театра вдруг уснёт и не проснётся к финалу. Много всяких пакостей поджидает вдохновенного артиста. Пока все они, собравшиеся вокруг, переполнены неожиданным успехом игры на рояле в защиту амурских тигров. К примеру. Или беспримерным полётом в стае стерхов. А о разводе с женой народ разве забыл? Кто старое помянет тому глаз вон. И не будем старое поминать. Старое и смешное.

И тогда Игорь Дмитриевич сказал тихонько почти неслышным шёпотом:

Юра, запиши вопрос на завтра.

Счастливая своей опрятностью и свежестью лица дикторша сообщала поставленным голосом новости из Украины и Крыма, потом об открытии в Москве клуба предпринимателей – миллионеров, потом об ивановской ткачихе соткавшей миллион метров хорошенького ситца, потом о демонстрациях в Польше и Германии, потом об отрядах самообороны в Донбассе и об их желании, что бы их убили безоружными.

Хорошенькое дело! Что тут скажешь? Неужели кто то действительно ждёт, что бы людей убивали безоружными? Тогда кто тот поп Гапон? Кто? И все молчат. А ведь есть тот поп Гапон, есть!

А мир то не спал – не дремал, бурлил своей жизнью больного кишечника и не знал сердечного томления за други своя, только сотрясает его вонь и грохот метеоризма. И люди то ли напоказ, то ли взаправду готовы умереть безоружными. А с другого близкого берега, совсем рядом, из России на них смотрят как на подопытных: посмотрим что будет? И уже они не братья, а только что были братьями. И уже сухо говорится говорливыми дикторами и дикторшами

и всё теми же политологами, снова высунувшими свои головёнки из укрытий, трое в Славянске убиты из числа мирных жителей. Ай! яй – яй! Да как же это можно убивать безоружных! Да пропадите вы все пропадом с этой земли! Мы останемся в двоём в абсолютной тиши здесь, сколько же можно насиловать эту землю и эти головы из века в век! Мы останемся в двоём со другом, только не бурлите, не убивайте, и не грозите убивать. Уйдите из нашей жизни. Оставьте нас в покое.

Юный друг Юра лежал и молчал, буд то вспоминал его голос, хотя знал, что голос Президента ему запомнится навсегда..

Забвения! Я хочу забвения. Что бы все всё забыли. И тогда мы сможем помириться с властью. Но раз я всё помню так отчётливо и так непримиримо, то мне трудно будет такое примирение. Но есть и другие. Такие же памятливые. Хотя бы из тех, кому удалось сменить свою роль в этой жизни. И выжить и жить по-своему в угоду себе.. А что здесь можно поделаться, все защищены правами человека по Международной Конвенции.

Я никогда стараюсь не думать о ней, о власти, не вспоминать, что она властвует функционируя: решает что то для себя – вроде как дать Президенту то, что он просит. Просит, на всякий случай, разрешить ему введение российских войск на чужую территорию – так дадим. Без спроса на какую территорию, что там происходит на этой территории, вот для этого и дать согласие его просьбе. А если бы спросить Президента: как ты использовал наше разрешение? Только так не делается! А если делается, то в России и с путинскими запросами на разрешение, потому что путинский запрос – это приказ немедленно исполнить. Так на какой срок использования войск Совет Федерации дал разрешение предпологаемо (?) для ввода на Украину? Ведь убийства русскоязычного населения вот-вот начнётся массово. И уже начались! Но сейчас то почему то Президент и Совет Федерации забыли о президентской просьбе и о парламентском разрешении. Почему? Вот вопрос.

Стыд – штука сильная, подчас может страх победить.

Ну, и мы, конечно, не возражаем. Я сам всё это правдоискательство терпеть не могу. Не мне же, в самом деле, вспоминать эти печальные подробности – из той давней, очень старой, совсем истаявшей жизни.

Сейчас уже не разобрать за давностью, кто там виноват – власть или мы. А мы всё одно твердим: Мы все не виноваты, а вот жизнь виновата. Как это понимать?

7

– Друг мой, тебе уже семьдесят семь! Это ли не возраст! – восторженно удивился я.

– Да, мой друг, по фень-шую 77 это две удачные нечётные цифры, означающие в общем то наличие двойной гарантии. А я сознательно опускаю фень-шуй и руководствуюсь своим предчувствием двух семёрок как благоприятное стечение обстоятельств в моей жизни и допускаю собственное значение двух семёрок: судьба гарантирует мне двойную удачу вместе с идущими следом цифрами – 8 и 9. Эта цифра гарантирует мне удачу в жизни, оставляя в стороне от меня все невзгоды и я с достижением этого возраста из 77 более всех живущих гарантирован. Более меня гарантированы только люди в возрасте 777 лет – с тремя возрастными семёрками. Но таких людей среди живущих лет, как я полагаю, и не должно быть. Они, конечно, были в жизни, но только в мифологии, например, древних римлян, живущих на Олимпе. Мы все об этом знаем. Но среди живущих их нет.

– Так поздравляю тебя, мой друг, с твоим семидесятисемилетием и стремлением к существованию в веках, как древний римский бог Везувий в мифологии человечества на страницах истории древнего Рима. Поздравляю тебя мой друг.

– Ну, а я, как сам понимаешь, поздравляю тебя с тем же – с твоим семидесятисемилетием. – Мой восторг превратился в какую то унылость старика.

Но мы не, сговариваясь, всплеснули руками и сели за стол праздновать по приглашению Вячеслава Хаскильевича Розенбаума. Будем здоровы! А перед тем, как видит читатель, мы вдруг вспомнили о своём возрасте. Так будем же здоровы! И уселись поудобнее рассуждать с выпивкой и хорошей закуской. Мы со Славой любим это – хмельные посиделки вдвоём под закуску чегонибудь из алкогольного ассортимента.

Надо признать, что в мире был установлен американский миропорядок, поскольку экономика США главенствовала в мире и она определяла свою политику, что естественно. Советский Союз был слаб против экономики США, но занимал достойное место рядом. Но вот сейчас Россия захотела установить свой миропорядок, не признаваясь открыто, что это будет миропорядок по-русски.

А что мы видим и слышим сегодня. Наш союзник Турция помидорами не отделается, долго будет помнить мечь России за сбитый самолёт. Странно всё это. Влезла в военный конфликт и будет мстить ещё и за убитых российских солдат. Более. чем странно. Так война идёт на сирийском фронте? Или наши самолёты там бомбят объекты и Президент даёт гарантию бомбить без потерь? Сам же наш Президент говорит нам, что войны без потерь не бывает. Помните, читатель, о потерях в Донбассе? Но тут, в случае с погибшим российским лётчиком, мстить будет персонально за погибшего лётчика. Не правда ли, как он похож на... не скажу и не намекну даже. Не логичен он, если говорить лояльно и по доброму. Так вот, читатель. Перед вами книга, написанная мной на основе моих же записей на блоге, подаренном мне одним из издателей. Всё очень просто. Я не напрягался в воспоминаниях, я записывал свои мысли вслед за событием или где то рядом находясь, например в новостных программах телевидении, когда кортеж с Президентом направляется на инаугурацию в Большой Кремлёвский дворец по совершенно пустым улицам Москвы, когда рейтинг его достигал небывалых величин. И странно, и вопросительно было видеть это, А где восторженные толпы обожателей? Где этот плебс, который голосовал за него, любимого. Где члены партии «Единая Россия» и где его Народный фронт? Наконец, где все эти наши уличные зеваки, мечтающие в живую увидеть проезд императора на коронацию. Их никого нет, по причине мне не нужной знать, не хочу. Но в данном случае кто то кого то избегает видеть в плотную.

И здесь же помнится восторженность людей Парижа, приветствующих нового президента Франции. И все увидели эту разницу. Или это не оскорбление высокой персоны? Я его

не оскорблял ни взглядом. ни словом. Я смотрел на эту картину и у меня, естественно, возникали вопросы, что это за показательный проезд по совершенно пустынным улицам Москвы на инаугурацию в Кремль? Как это объяснить?

О господи, какая ты была спокойная, ничем не нарушаемая жизнь в достатке советского человека тогда, когда я был молод и кругом меня все были молоды и ничего большего не хотели, как бриолина себе на волосы, чистого бритья с горячим компрессом на лицо, футбольного боленья на беснующихся трибунах и танцев с нестрогими девушками после непродолжительного знакомства. Как пахла жизнь и люди дождём, гвоздикой, пирожками с повидлом, ливером или горохом за 5 копеек! Нежная моя жизнь! Ты не говорила со мной строго и не поступала со мной строго, ты всегда подчёркивала, а я всегда соглашался с тобой, что у нас только деловые встречи происходят, вроде беседы клиента с адвокатом, оставалось только оговорить гарантии услуги и их стоимость. Глупышка жизнь, придумала какую то жизнь, где решила вести себя как королева, пусть на шахматной доске. Где кроме самой королевы, один король, охраняемый офицерами. Ладно, нет иных офицеров на шахматной доске, но нет и пешек, образующих ровное давление в ровном строю в защиту короля. Всё в защиту короля!

А вздуматься, люди, даже мои ровесники, послевоенные мальчишки и девочки, не в силах понять, что основной закон жизни людской не иначе как несправедливость. И где тут справедливость, если всё в защиту короля, точно так, как когда то. Жизнь продолжается, а принципы всё те же. А против принципов я бессилён, Поэтому и живут они во мне, эти принципы. То есть я принципиален, потому и лоялен.

Но любовь к ближнему, оказалось, это простая выдумка людей, со ссылкой на Христа. Эта выдумка от бессилия человека что то изменить или просто обмануть. Так проще, говорить в пустоту, потому что если начать копать в этой придумке человека, можно докопаться до другой мысли – человек один на земле и самый близкий, кажущийся другом, в других обстоятельствах оказывается врагом, а если врагом. то и распорядителем твоей судьбы и даже жизни. Враги, это всегда близкие тебе люди или хотелось бы тебе, что бы до ссоры они были близки и вдруг принялись завидовать тебе, что бы в результате враждовать.

У меня возникает не один вопрос, сложенный в одну мысль: почему были равнодушны Америка и американцы к величайшему потрясению в мире, Октябрьской революции? Это одно.

И другое. Почему так неоднозначно отнеслась революционная Россия к Америке и американцам?

И третье. Почему в настоящей России не определено место Соединённых Штатов Америки, как впрочем и место Запада?

Оттуда бы начать, что и приведёт нас к сегодняшнему дню, казалось бы.

Но я ответить на эти вопросы, заданные мне себе, не могу. Я не знаю ответа. Мне хотелось бы его найти.

Нас, россиян, в Америке и американцах раздирает и оглушает восхищение и неприязнь. одновременно При этом мы сами с усами. Но это такая редкость в сравнениях.

Я в восторге от Нью-Йорка города,
Но кепчонку не съёрну с виска.
У советских собственная гордость:
На буржуев смотрим свысока.

У русского человека к Америке и американцам всегда возникают противоречивые чувства, среди которых преобладает ненависть рядом с отвращением, при этом восхищение, хотя и присутствует, но временно и ограничено. А история русского человека и история России со времён Октябрьской революции никак измениться не может. Теории заката Европы

и гибели западной цивилизации пришли в действие – вспомните «Проект Россия» и вы придёте в ужас. Пусть многие из вас заранее скорбят по уходящему миру, всё равно, единороссы, к примеру, готовы присоединить свой шаг к поступи атакующего класса. И не оставят американцев в спокойствии в своей ненависти. Будут ненавидеть всегда, мучительно рождая новое русское общество под водительством Президента.

И вот недавний союзник по второй мировой войне стал злейшим врагом русских людей в России и на Донбассе. А я помню ту молодёжь, которая послевоенная, которая с блестящими наобриолиненными волосами, курящая сигареты «Кэмэл» и носящая пиджаки с огромными плечами и башмаки на толстой подошве. Эту молодёжь разделял не только их внешний идеологический вид, но и образ мыслей, который, по-существу, позор тому, сталинскому режиму, который был известен дипломатам и политологам и который был заменен на коммунистический в чистом виде. Эта молодёжь не представляла другого времени. Но оно наступило как с неба свалилось.

А новая Россия, подчёркиваю, новейшая Россия, пытается напрочь стереть из памяти народа слово Америка, впрямую связанное с чудом, которое появилось в районах тотального голода во время Отечественной войны. Каждый, кто пережил эти годы, помнит появление вкусной и питательной пищи в годы военного голода – мешки с яичным порошком, банки консервированной сгущёнки, колбасы и ветчины.

Неужели забыли? И в память вбит разрушенный, когда то цветущий Донюасс? Не разобравшись кто во всём этом виноват?

До войны в Донбассе люди никак не ощущали Америки, разве Познер что интересное расскажет про жизнь простых американцев. Но она всегда была для российской власти врагом №1. Да, кто то из наших, мог фарисейски объявить о хороших, о доверительных отношениях с Президентом США. Но мы то не верили, впрочем, немногие нашей пропаганде.

– Я разведёнка! – с ужасом думала в своём молчании Людмила Александровна, вовсе не жена президента. Пусть с серым от слёз лицом, пусть в разорённом доме. – А вы кто? Сволочи и империалисты, оппозиционеры, социалисты, сионисты и прочие разные онанисты! Я жена того, кто равен царскому величию, а я ко всему этому причастна. Я жена своего мужа! А вы – кто? А мой муж сами знаете что он друг Президента. А ни один из вас не ходит в друзьях Президента. И не знаете какая это благодать – словно от бога. Вот почему я такая счастливая во всём – особенно в своей русскости. Но мы поняли, что бойня на уровне плебеев нам ни к чему. И мы, как уже отмечено в мировой прессе, мы цивилизованно разводимся. Мы и так своего дождёмся и уже многого добились.

А интернет повторял ту же картину, как время назад наш новый Вождь современности ехал по пустым улицам Москвы на инаугурацию, на очередное восшествие на престол на целых шесть лет славославия. И здесь же интернет показал как тот же монарх прогуливаясь по улицам Санкт Петербурга не вызывал никакого интереса у граждан, а лишь недоумение – кто это такой, похожий? Ну а дальше монарх потопал одинёшенек по совершенно пустой улице – народ похоже разбежался в ужасе. Вопрос: куда намеренно шёл Царь без охраны? Кто его озадачил этим или он проиграл эту прогулку в бильярд или в карты? Было тихо и без объяснений, с напряжённым лицом, без вопросов куда ему нужно? Может искал туалет.

Людмила Александровна, жена друга президента, взяла в руки «Святое Евангелие». Открыла не выбирая страницу. «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:

– Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему.

Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним».

Господи, кто тут Ирод, Царь Иудейский? Разве не ясно кто? Это тот, кто не добр лицом, кто совершает непонятное, кто собрал вокруг себя фарисеев, и каждое слово Царя Иудейского

возвеличивают до истины. И Людмиле Александровне всё ясно заранее и об этом злодее Ироде и о младенце Иисусе, но очень хочется впустить в себя новой свежести буд то глотнуть коктейль из молока и лесных ягод и она продолжает читать:

«И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу?»

Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: «и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных. Ибо из тебя произойдёт Вождь, Который упасёт народ Мой, Израиля.

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдёте, известите меня, что бы и мне пойти поклониться Ему.

Они, выслушав царя, пошли. И эта звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.

Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариєю, Матерью Его; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.

И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путём отошли в страну свою».

Застывшую во времени истинно русскую религиозность в душе Людмилы Александровны можно толковать по разному. С одной стороны, можно увидеть в её душе вполне понятную тоску по поводу утраты на генном уровне духовных связей с древней культурой и самой христианской религией. Именно это её удручало особенно, ибо не видела веры вокруг себя, а уж за Кремлёвскими стенами в особенности, её выворачивало наизнанку смиренный вид наших «подсвечников» в Храме Спасителя и от этого вида становилось омерзительно на душе, прискорбно за Россию и безисходно.

С другой стороны, нельзя не увидеть в этом процессе антирелигиозности людей разных по профессии, по образованию и учёности, по партийной принадлежности и национальности. Как бы все становятся отвлечёнными от своей веры, каждый от своей, становясь материалистами по молчаливому отрицанию веры, а с получением каких то светских знаний добровольно становятся атеистами, считая атеизм за свою новую религию, при этом материализм оставляя в стороне только потому, что это теория коммунистов. А коммунистам Людмила Александровна не верит с тех пор, как их лидер молчаливо подарил победу на выборах своему антиподу – антихристу.

– Патриоты ли они? – думала о них Людмила Александровна. – Если в них нет ни капли русскости и нет христианской веры – в быту они совсем непонятны. Они не едят сливочного масла, полученного от коров костромской породы. Они не едят мёда, собранного с российских лугов, они не едят рыбу, выуженную в Волге, Оке, Каме или в Дону; они не ездят на наших автомобилях, заменив их японскими, американскими или немецкими. Они не едят наших овощей. Но не только потому, что мы разучились это выращивать или производить, а потому, что это всё, что осталось. Например, икра, от уничтожения биологических запасов рек, или водка, оставившая своё название лишь на память последнему нашему поколению, настоящей водки поколение уже давно не пьёт, потому что её попросту не производят, а гонят попросту суррогат, не иначе, как для сокращения численности населения – с целью буд то бы оздоровить нацию. Но водки на прилавках особенно много. Пейте! Под разными названиями. Но нет «Московской», «Экстры», «Столичной». И нет икры «Обкомовской». Зато вёдрами везут с Дальнего Востока, тоннами, икру, добытую нелегально. Но что это за икра – знают все, её кушать часто опасно и она не так вкусна, у неё уже какойто другой вкус, не икорный, а какойто другой, без чистоты икорного, о чём молодые уже не знают.

О «русском патриотизме» можно услышать от немногих людей, да Людмила Александровна таких и не знала. И сам то «русский патриотизм» был ей недоступен своей непонятностью – что это такое? Неужели это любовь к борщам и кашам и отрицание лобстеров, коньяка и виски? А если свининку под хреном? А если селёдочку под шубой? А если заливную осетрину? А если водочку из пузатинького графинчика в гранёном лафетничке закусить простым холодцом или студнем и опять же с тем же хреном на любой лесной ягоде, с малосольным огурчиком. С чем это можно сравнить?

А что говорить о грибах начиная с опят, маслят. Подосиновиках, подберёзовиках, лисичках, петушках, вешенках, кулаках и белых. Что там шампиньоны или трюфеля! Нет сравнения!

А что говорить о русских колбасах! «Докторская», «Столичная»!

А консервы лосося, осетра, судака или кильки в томате – разве можно забыть!

А хлеб «горчичный», а «французские» булки, потом ставшие городскими, а баранки, а сушки вы помните? А сметана? А сливки или молоко?

Нет, ничего подобного не наш рынок рынок, а чужой, не известный нам, а если известный, то только неизвестностью, их капиталистическое производство выбросить к потреблению не смогло, тем и породило гастрономическую ностальгию по той нашей жизни.

Но и это то же не русский патриотизм. Очень русское, но не патриотизм.

Это ли не русское? Как ансамбль «Берёзка», как ансамбль Игоря Моисеева, как хор Пятницкого? А ведь находятся люди, шепчут в сторону о пошлости этих коллективов, им это не нравится, потому что это социалистический реализм в чистом виде и это для них не русское, потому что уж очень популярное, сравнимое своим превосходством с деревянными из берёзы матрёшками – превосходят они матрёшек. А кабы и не превосходили – так чем плохо? Или наши лапти с онучами? Всё это наше русское. И куда это девать – эти лапти с онучами и эти матрёшки? Если оставить их без признания.

Так думала Людмила Александровна о себе, русской и советской в одно и то же время, прожившей большую часть уже не малой жизни рядом с разными людьми из евреев и евреек, татар и татарок, чувашей и чувашек, бурятов и буряток, грузин и грузинок, осетин и осетинок, армян и армянок, украинцев и украинок, из немцев и немок, в конце концов. А со сколькими людьми из Прибалтики она сдружилась во время её замужества за человеком близким к Президенту. Это ли не русскость! А нас всё тому же учат, нашему патриотизму, только с выдумкой на национальную идею. В этих выдумках вся глупость, вся мерзость – буд то такого в характере русского (советского) человека нет и нужно его этому научить. О, боже праведный! И как тут не признать правоты Людмилы Александровны! Но есть же вопросы и к ней!

8

Что он несёт про Америку, этот Пётр Толстовкин? Да и те, кого он приглашает на свои передачи. Как они все ужасны, готовые бомбить и бомбить Сирию, а потом перебраться на Донбасс и жалея, что не сделали этого раньше Сирии, разделаться и с этой территорией, что бы забыть о ней, как о притязаниях России. Дескать не мне, но и не вам, старые пердуны затхлой Европы, разлагающейся под влиянием Освальда Шпенглера, которой без большой разницы. кто победил бы на выборах Адольф Гитлер или Эрнст Тельман продолжают пыхтеть над стареющим телом сами стареющие и никому не понятные, кроме самих себя.

– Как можно помнить эти давние времена? Так вы упомянули Освальда Шпенглера? Так это тот, кто из социалистических идей, только, кажется, без революций, без крови. То есть идеи его вполне парламентские. Но всё равно не нравится нашему большинству из «Единой России» и Народного фронта. Но почему, как вы думаете?

А очень просто, они были, как всегда, правы. Все они, обладатели политических талантов, образуют круг допущенных до телеэкрана вслух выражать мысли России и плевать им, нашим лучшим и избранным, готовым припугнуть какого -нибудь хилыка своим видом гиппопотам не возражать и, конечно, на Америку, всё ещё не уступающую никому в мире своей роли в поддержании миропорядка.

– А что? Наш автор из неизвестных нам знатоков телевизионных ШОУ что то непонятное нам рассказал? – спросил один наш зритель этого ШОУ другого зрителя.

– А при чём здесь автор и его рассказ? – удивился другой. – Ведь страна просыпается.

– Только – только просыпается? Только просыпается? Народ раз чуть моргнул заспанным глазом, а кругом его, все, кто рядом, подумали: вот и началось.

А что происходит? В смысле что началось? А действительно, что происходит и что началось в этом мире? Если жратва вкусная и её много, самолёты хоть и падают, но летают же и «сапсан» связывает Петербург с Москвой и цену за нефть продаваемую Китаю мы не знаем, но нам это не интересно, Крым хоть был не наш, но стал же «наш» и Донбасс в руинах, такой не желателен Украине и Россию не интересует и события в Сирии продолжаются и нам они не интересны, как и при их начале. Одним словом, всё перечисленное и не перечисленное, что отвечает требованиям цивилизации или просто мизантропические миазмы пресловутого кризиса, которые всё ещё тянутся в его последствиях в виде различных мелких, почти незаметных ухудшений, что будучи собранными вместе, как раз и дают возможность распознать наш славянский запах отчизны.

9

В сегодняшнем времени чем можно объяснить ненависть к Америке и американцам?

Смешно говорить сегодня, но во многих случаях, если не в большинстве, речь может идти лишь об одном, в отличии от нас, американцы не любят унижать людей – это у них в крови, и если не в крови, то это от воспитания. Их развязные голоса, наглая походка, самоуверенный взгляд – это всё выработано и приобретено персонально каждым от какого – нибудь киногероя и в массе людей не встречается. Сей час это образ американского супер героя отодвинут во времени куда то в прошлое, куда то на окраины. Удивительно и печально было наблюдать за американскими морскими пехотинцами, окопавшимися на окраине Дамаска, а российская пропаганда изображала этих молодцов как захватчиков и насильников, изображая этих исчадием ада, а они всего то были молоденькими работягами из Техаса или Чикаго с накаченными мышцами и ослепительной американской улыбкой.

А вот вокруг них на улицах разрушенных городов вели войну против них самые что ни есть американцы по внешнему виду: в ковбойских шляпах, джинсах и жилетках – те самые арабские головорезы и террористы, с успехом среди своих демонстрирующие «развязные голоса», «наглые походки», «похабные улыбки».

Геббельс сам изумлялся и с искренним изумлением докладывал Гитлеру о допросах первых американских военнопленных, пленённых ещё в Африке. В них нет абсолютно никакой идеологии, они и слыхом не слыхали что это такое – идеология в европейском значении. И это является доказательством, что американцы лишены каких бы ни было человеческих качеств, в том числе чувств, в отличие от европейцев. Они в этом смысле ближе к африканцам, чем к белой расе человека. Да неужели такое может быть в наших головах? Да, да! Может быть! И недоверие к Америке до сих пор сидит в нас потому., что Америка опровергает расхожий тезис о закате западной цивилизации. То есть Америка верна себе до сих пор! И это раздражает нас, русских, нас россиян.

Может быть. дело, всё-таки. в несколько ином. Может быть, мы были ошеломлены равнодушием Америки к событиям в России – Октябрьской революции. И это – наша ревность к нашим, незамеченным американцами событиям? Всего то.

А в разгар холодной войны Соединённые Штаты Америки и не подозревали, сколько у них поклонников среди россиян и даже среди советской элиты. И не последнюю роль в симпатиях друг другу сыграло чудо оказанной помощи американцев продуктами питания голодающим советским людям в военную годину, когда американцы поставляли в Россию бумажные мешки с яичным порошком и сухим молоком, консервные банки сгущёнки, колбасы и ветчины. А до самого начала войны Америка российскими людьми никак не ощущалась. А в ходе войны её роль всё более вырисовывалась и приобретала очертания военной помощи в чистом виде и различного рода продуктами. Среди народа Соединённые Штаты связывались с сытой вкусной жизнью и это присутствие такого союзника будило среди народа рисунки послевоенных перемен. В ходе мировой войны возникло ощущение, что Соединённые Штаты Америки – страна сказочного богатства и щедрости. И тогда же в ходе братания армий победительниц на Эльбе, все мы, и американцы, и русские обнаружили в себе схожесть наших народов. Это, надо признать, обнаруживалось в эйфории после победы., сопровождаемой победной эйфорией слов. Мы очень похожи друг на друга – кричали в восторге солдаты и командиры. Чем же? – если бы кто то спросил, то получил бы ответ вполне понятный для того момента – победного окончания войны:

– Они простые ребята, как и мы. И любят выпить, как и мы.

И десятилетия антиамериканской пропаганды не поколебали в нас этой уверенности – мы похожи, русские и американцы. Но вот в последние годы, когда Россия посягнула на миропо-

рядок по американски, россияне изменили своё отношение к своим бывшим союзникам и сейчас происходит нечто парадоксальное и мы уверяем себя – уж если кто и похож на нас в мире, то это китайцы, а американцы не иначе наши недоброжелатели.

10

Зима была тёплая как никогда – на Крещение морозами и не пахло, а вот весна не задержалась с приходом, но так не задержанная и простояла у самого входа в лето – ни то и ни сё, ни лето не наступало, ни весна не уходила. Долго по холодному лету не погуляешь и пришлось обывателю бежать к себе в квартиру и простоять у покосившегося окна до самого вечера – пропустив рассвет, видеть как малые птахи, синицы, суетятся под окнами на ветках кустарника, увидев в наступающем дне наступивший туманный рассвет.

Одев на себя тёплый китайский халат, обыватель маленького северного городка России подошёл к окну и раздвинул тяжёлые шторы на обе стороны и снова заметил как покосилось окно, как появились новые трещины на стёклах – какая бы весна ни была холодной, но мерзлота оттаяла и дом стал неравномерно приседать и его жители уже неоднократно добивались от властей ремонта. Но тщетно.

Сквозь затянутые трещинами оконные стёкла обыватель вспоминал в себе свои мысли об Олеге, Ольге и Игоре, об их встрече с дикостью славян и его эти *мысли* не покидали никогда. Он был увлечён темой славянства и образованием славянского государства варяжскими «гостями». И сей час ему виделось сквозь паутину стёкол как по тропе противоположной сопки спускается женщина в белом, ведущая под уздцы белую лошадь.

Он знал, что это была Ольга, варяжская правительница славянского племени полян, супруга князя Киевской Руси Игоря. Но ему никак не удавалось рассмотреть её лицо и одежды. Только виделось прекрасное природной красоты лицо молодой женщины в светлых одеждах.

Спустившись по тропе с сопки, они, женщина и лошадь, остановились перед преградой – в трёх шагах бушевала речка Орто-Сала не в своём русле, а направленная старателями куда надо им, по всей ширине распадка она извивалась змеёй – то к одному борту полигона, то к другому. Прекрасная лошадь, под стать своей владелице, на цирковой манер вдруг опустилась перед хозяйкой, предоставив ей себя в распоряжение и когда Ольга уселась поудобнее осторожно встала и победно заржала.

Обыватель этого городка по имени Игорь Дмитриевич Солодовников наблюдал правительницу Ольгу и её белую лошадь с замиранием сердца и приближал к себе эту сказочную картину, а отвлёкшись от видения, как всегда, терял в себе самое дорогое – древнюю империю славян – Киевскую Русь. И не мог понять её последних лет, «исторических» – по-существу диктаторского режима, подслащённого усечённой до самой крайности демократией и слащавым словоблудием развращённого общества. Но не терял надежды уяснить их суть, поделившись своими сомнениями с людьми.

Может просто Русь-матушка заскучала по своим военным походам – ведь давно их не было. И надо бы совершить пару-тройку, напомнить себе и о себе?

А сейчас наша далёкая от этих мест Москва, правда, уже не грязная зачуханная нищенка в переходе, она вся светится под Новый год, сама как ёлка. Немного не так, как западные столицы, уступая им в чём то неуловимо. Но отлично выглядит. И непривычно свежо и красочно. Празднично. Такую Москву и полюбить не зазорно хоть кому. Поэтому мы и говорим, что любим нашу Россию – посмотрите на нашу Москву и увидите как мы любим Россию в лице нашей Москвы. А что творится с Россией за пределами Москвы – туда взор наш не направлен.

Все народы, в том числе народы языческой культуры, оберегают свою веру как могут, видя в ней наследие своих отцов и самые грубые её проявления и сама жестокость не кажется им таковой, напротив, она так же освящена памятью. И славяне в своей дикости отвергали христианство в течение многих столетий. Задолго до Ольги и Владимира в христианство славян хотели обратить немецкие проповедники, но устрашённые их дикостью, отказались от этой мысли. И с другой стороны, славяне ненавидели христиан и христианство и прекращали тор-

говые связи с ними, а священников христиан приносили в жертву своим идолам. Тогда они любили своих идолов, Перун – был первым среди них, деревянным и высоченным, раскрашенным красной глиной и одетый в сусальные листы золота, награбленными в походах на Византию. Любили своего идола до самозабвения, до самоотречения. Но это, конечно, до поры.

Прошедшие тридцать четыре года жизни в Якутии развеяли мои, но не всемысли о России.. Америка помешала этому, когда она возникла словно в тумане передо мной, как новая альтернатива старому и тошнотворному делу социальной революции, то есть недовольству бедняков против богачей. Да, действительно так и произошло со мной, но я остался не поколебим. И даже напротив, сейчас я гораздо яснее вижу происходящее, что в противовес непонятному декадансу в мире может возникнуть что то другое, какой то другой свежий мир из благородного неравенства.

Но мы то и не знали что такое декаданс. Просто слово. Не то что красивое, просто слово иностранное, какое то притягательное, как все иностранные слова и как мы позднее узнали, означающее в переводе упадок. Культурный упадок, культурный регресс. Но в общем то культурное явление. И было время, вся Москва зачитывалась Ремарком, Фейхтвангером. Стояли в очереди, не в библиотеках, а читали с рук у кого эти книги были по случаю.

– Прочитал ты, Петрович, «На западном фронте без перемен», а «Чёрный Обелиск»?

– А ты прочитал «Лженерон»? Готов обменяться на «Безобразную герцогиню». Или, Проспер Меримэ прочитан, «Хроника времён Карла IX».

– Завтра готов менять.

А упадок ли это был или просто культурное явление, нам было всё равно. Мы его принимали в том виде в каком воспринимали – в реальности. Да мы и не знали, что это декаданс. Наверное декаданс, если это культурное явление.

Я приведу вам, читатель, описание внешнего вида американской действительности, оставленного кем то из редких советских журналистов, может Леонида Колосова, может Мэлоура Стурра или Юрия Жукова. Не важно. Эти свидетельства были записаны мной давно и для кого то не составляют ни доказательств, ни простого знакомства из любопытства. Прочтите, пожалуйста.

«Вот иллюстрация для самой оголтелой антиамериканской пропаганды. Вообразим человека в Советском Союзе, никогда не верившего ни одному слову этой пропаганды. Чудесным образом он вдруг переносится в Южный Бронкс, где ему и говорят: перед тобой Америка! В ужасе он закрывает глаза руками: значит они не вдали, значит, всё так и есть, как они говорят?»

Успокойтесь, милостивый государь, всё-таки они вдали. Через полчаса поезд прибывает в Бронксвилл, в реальную Америку, ухоженных маленьких городов, идеальных бензозаправок и супермаркетов, пространных торговых плаз и белых дощатых домиков. Процветание страны сразу становится очевидны, когда покидаешь большие города. В России, между прочим, как раз наоборот: её ресурсов, свободных от милитаризма, еле-еле хватает, чтобы поддерживать кое-какой уровень приличия в больших городах; провинция и село – сплошная гниль».

Одним из самых основательных сюрпризов для русского, ни разу не побывавшего в США, оказывается американский провинциализм. Издалека, из-за железных перегородок неприятия государств в наше время, думается, что Штаты с их открытыми границами, с двумя десятками языков, с их мировой политикой – самый что ни на есть перекрёсток универсального космополитизма. Но всё одно и то же или всё так же как у нас, только с учётом, что мы уже давно не друзья и не партнёры, в том смысле, какими были при Сталине сразу после войны и даже при Хрущёве во время карибского кризиса. Новостные программы ТВ заняты подобным: о придворных интригах ЦК компартии Китая, о продвижении марксизма в глубь Новой Гвинеи. Или о новых ботинках форварда «Барселоны» Месси. Увы, международные события, имеющие глобальное значение сообщаются в конце программы и как то наспех. Увы? Да, увы. И нам это

не нравится, ведь у нас не так и совсем не так. Так какие же вы американцы, не такие как мы. А ведь казалось, что мы как братья, похожи. Эх вы, американцы! Вы оказывается совсем другие, не похожие на нас. И политика ваша совсем не та, что нужна нам. Не под наш, российский мировой порядок. Мы разочарованы в вас и мы вас уже давно не любим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.